

Эдвард Григъ.

Съ каждымъ годомъ интересъ къ произведеніямъ Грига въ Россіи все болѣе и болѣе возрастаетъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что имя норвежскаго композитора все чаще и чаще украшаетъ программы концертовъ, и нѣкоторыя изъ его вещей приобрѣли въ Россіи уже значительную популярность. Въ виду этого я считаю не лишнимъ приложить къ настоящему изданію произведеній Грига его краткій біографическій очеркъ.

Мѣсто рожденіе Грига—Бергенъ, важнѣйшій и наиболѣе населенный послѣ Христіаніи городъ Норвегіи. Нашъ композиторъ родился 15 іюня 1843 года. Отецъ его Александръ Григъ, бывший консуломъ въ Бергенѣ, пользовался хорошимъ, волюй обезпеченнымъ матеріальнымъ положеніемъ. Воспитаніе мальчика, который при крещеніи получилъ имя Эдварда, было обставлено заботливо и солидно. Прежде всего ребенокъ былъ избавленъ отъ односторонности въ воспитаніи, которая такъ дурно отзывалась на воспитанникѣ. Такъ какъ мать нашего композитора обладала хорошими музыкальными способностями и была сама прекрасной пианисткой, то рано проявившееся музыкальное дарованіе мальчика въ ней-то вмѣсто и нашло заботливую поддержку. Подъ ея руководствомъ, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, Эдвардъ прошелъ основныя начала музыки и въ особенности фортепианной игры. Но музыкальный талантъ мальчика развивался все болѣе и болѣе, такъ что онъ уже не довольствовался исполненіемъ на роялѣ произведеній другихъ авторовъ, а желалъ самъ быть композиторомъ. Однажды, рассказываютъ, съ сіяющимъ отъ счастья лицомъ прибѣжалъ онъ въ школу и преподнесъ учителю вмѣсто заданнаго урока—свою первую композицію; это были варианіи на одну народную тему, надъ которыми онъ съ гордостью поставилъ знакъ: „Op. 1“. Разумѣется, это раннее произведеніе его музы не встрѣтило радушнаго пріема со стороны госпожи учителя, и юный маэстро понесъ за свой первый трудъ довольно чувствительное наказаніе. Тогда, разумѣется, онъ закачался представлять на судъ профановъ плоды своей творческой фантазіи и тѣмъ усерднѣе сталъ заниматься композиторствомъ въ тиши своей крошечной комнатки. Однако такое положеніе продолжалось недолго; вскорѣ наступилъ въ жизни нашего композитора рѣшительный поворотъ. Ола-Булль, знаменитый скрипачъ, въ то время,—это было въ 1858 г.,—переселился въ свой родной городъ Бергенъ послѣ довольно продолжительнаго и неудачнаго пребыванія въ Сѣв. Америкѣ, гдѣ онъ потерялъ все свое состояніе при основаніи норвежской колоніи въ Пенсильваніи. Булль довольно часто бывалъ въ домѣ Грига, и здѣсь-то и попалась ему однажды на глаза композиція 15-лѣтняго мальчика. Несмотря на всѣ ея недостатки, Булль увидѣлъ въ ней, равно какъ и въ фортепианной игрѣ Эдварда, безспорный музыкальный талантъ и посоветовалъ родителямъ отправить ихъ сына немедленно въ Лейпцигскую консерваторію. И въ томъ же году нашъ герой отправился въ эту знаменитую консерваторію, хотя въ то время уже нѣсколько утратившую свой былой блескъ, приобрѣтенный подъ эгидою Мендельсона. Здѣсь Григъ обучался у Мошелеса, Гауптмана, Рихтера, Рейнеке и др.

Въ 1863 г. тяжелая болѣзнь заставила его возвратиться на родину, и, выздоровѣвъ, онъ рѣшилъ продолжать свои занятія у кого-либо изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ композиторовъ; его выборъ остановился на Нильсѣ Гаде. Этотъ композиторъ, котораго Шуманъ называлъ „новымъ Моцартомъ“ и который, подчинившись влиянію Мендельсона, утратилъ многое изъ своего личнаго даро-

ванія, стоялъ въ то время на высотѣ своего авторитета. Призванный въ Копенгагенъ въ качествѣ придворнаго датскаго капельмейстера, впоследствии—профессоръ музыки, директоръ консерваторіи и докторъ философіи—„honoris causa“, Гаде былъ дѣйствительно главою скандинавской школы, и само собою разумѣется, что совѣты знаменитаго композитора, его пріемы должны были оказать большое влияние на ученика. Быть можетъ, Григъ пошелъ бы далѣе волюй по стопамъ Гаде, если бы на его жизненномъ пути не встрѣтилась высокоодаренная личность. Рихардъ Нордрокъ, молодой, даровитый, подававшій блестящія надежды музыкантъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано сошедшій въ могилу, соединился съ Григомъ узамы самой тѣсной дружбы, и постоянный взаимный обмѣнъ мыслей, плановъ и желаній привелъ, въ концѣ-концовъ, къ полному перевороту во взглядахъ Грига.

„У меня какъ-будто упала завѣса съ глазъ“,—сознается онъ самъ, „и только благодаря Нордроку я сталъ изучать сѣверныя народныя пѣсни и опредѣлить свой характеръ. Мы отреклись отъ того изиѣженнаго „скандинавизма“, представителями котораго являются и Гаде и Мендельсонъ, и твердо избрали новый путь, на которомъ теперь основывается „сѣверная школа“.

Такимъ образомъ Григъ нашелъ самого себя, узналъ свой отличительный характеръ. Національныя мелодіи, народныя пѣсни, былины, поэмы и рассказы, своеобразные образы и типы сѣвера,—вотъ на что обратилъ свое вниманіе Григъ; все это постигъ онъ своимъ проникательнымъ умомъ и воспринялъ своимъ отзывчивымъ сердцемъ, все это онъ отдалъ въ распоряженіе творческой фантазіи. Въ немъ произошла такая перемѣна взглядовъ и чувствъ, глубже, которой трудно себѣ представить: изъ ученика Лейпцигской консерваторіи развился тотъ композиторъ, который сумѣлъ передать духъ своей сѣверной родины съ такой необыкновенной силой и полнотой.

Въ 1867 г. Григъ переѣхалъ въ Христіанію, гдѣ и поселился на продолжительное время. Здѣсь первымъ его дѣломъ было основаніе музыкальнаго общества, руководство которымъ онъ взялъ на себя и которое впоследствии зарекомендовало себя прекраснымъ исполненіемъ произведеній старыхъ и новѣйшихъ авторовъ. Такимъ образомъ Григъ становится во-главѣ художественной жизни норвежской столицы и всего государства.

Въ 1870—71 гг. мы застаемъ нашего композитора въ Италіи, этой классической странѣ музыки, которую онъ, впрочемъ, посѣтилъ на короткое время уже въ 1865 г. Римъ имѣлъ особенную притягательную силу для нашего композитора; но въ этомъ отношеніи, быть можетъ, меньшую роль играли памятники искусствъ вѣчнаго города, всѣ воспоминанія великаго прошлаго, — въ сравненіи съ могучимъ влияніемъ одного человѣка. Тамъ жилъ Францъ Листъ; и если, съ одной стороны, вниманіе его привлечено было своеобразною симпатичною личностью норвежскаго композитора, то, съ другой—и этотъ послѣдній былъ очарованъ любезнымъ обхожденіемъ великаго музыканта и, безспорно, вынесъ многое изъ этого знакомства съ покровителемъ молодыхъ талантовъ.

Слѣдующіе годы Григъ провелъ опять у себя на родинѣ, главнымъ образомъ—въ Христіаніи. Въ 1879 г. онъ былъ въ Лейпцигѣ, гдѣ въ концертѣ „Gewandhaus“ игралъ самъ свой концертъ для ф.-п. Op. 16. Въ 1880 году онъ покинулъ Христіанію и переселился въ свой родной городъ Бергенъ. Съ тѣхъ поръ онъ неоднократно посѣщалъ континентъ и пожиналъ лавры и какъ ком-

восторг и какъ пианистъ,—въ этомъ послѣднемъ отношеніи Григъ также представляетъ выдающуюся величину. Большую часть зимы 1898 г. онъ провелъ въ Лондонѣ, гдѣ былъ предметомъ восторженныхъ овацій, а также въ Парижѣ встрѣтилъ радужный пріемъ.

Итакъ, нашему композитору посчастливилось еще при жизни снискать себѣ заслуженную и громкую извѣстность, но, несмотря на это, онъ остался такимъ же простымъ и скромнымъ человѣкомъ, какимъ былъ всегда, и тѣ, кто желаетъ пропагандировать по свѣту его славу, находятъ въ немъ самомъ очень мало сочувствія. „Къ сожалѣнію, у меня есть только 3 маленькихъ мнѣ посвященныхъ статьи“, отвѣтилъ онъ однажды на просьбу сообщить о своемъ прошломъ на поприщѣ искусства, „но и эти статьи я держу подъ замкомъ; онѣ хранятся въ ящикѣ моего письменнаго стола, въ моемъ далекомъ миломъ отечествѣ“. Какъ въ этихъ словахъ, такъ равно и во всѣхъ его произведеніяхъ звучитъ нѣжная, сердечная любовь къ своей родинѣ.

Если мы бросимъ взглядъ на сочиненія нашего композитора, то мы прежде всего замѣтимъ, что Григъ не принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ „плодовитыхъ“ писателей; число его произведеній простирается приблизительно до 70—и это благодаря тому, что изъ-подъ его пера не выходитъ ни одной вещи, которая бы не была имъ признана вполне достойною появиться въ свѣтъ. Въ послѣдующихъ строкахъ мы сдѣлаемъ бѣглый очеркъ произведеніямъ Грига на основаніи прекрасной, появившейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, статьи въ „Fédération artistique“.

Наиболѣе ярко и типично проявился талантъ нашего композитора, по нашему мнѣнію, въ „Норвежскихъ танцахъ“ ор. 35, въ „Танцахъ и норвежскихъ пѣсняхъ“ ор. 17 и въ „Сценахъ изъ народной жизни“ ор. 19,—именно эти послѣднія отличаются увлекательной нѣжностью мелодіи, удивительною прелестью гармоніи и со стороны фактуры и ритмическихъ приемовъ крайнею—новизною и своеобразностью. Замѣчательно то, что многіе считаютъ эти вещи за простые передѣлки и транскрипціи народныхъ пѣсень: такъ, Эдвардъ Лалобъ, знаменитый французскій скрипачъ и композиторъ, заимствовалъ темы одной изъ этихъ пѣсень въ полной увѣренности, что имѣетъ дѣло съ народной пѣсней, и написалъ на эти темы свою извѣстную „Норвежскую рапсодію“ для оркестра. Но въ дѣйствительности всѣ эти мелодіи абсолютно оригинальны и обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно фантазіи композитора.

Народный юморъ, который нашелъ особенно удачное выраженіе въ „Свободномъ маршѣ“ („Сцены изъ народной жизни“, ор. 19), представляетъ рѣзкое отличіе отъ того личнаго, субъективнаго юмора, который слышится въ „Humoresken“, ор. 6; тамъ, равно какъ и въ прочихъ произведеніяхъ Грига, звучитъ всеелое, жизнерадостное настроеніе, которое представляетъ такую тѣсную, свойственную народамъ сѣвера, связь съ тоскою и уныніемъ.

Вотъ что можно сказать о фортепьянныхъ пьесахъ Грига.

Подобныя же свойства—оригинальность и субъективизмъ—проявляются также и въ области вокальныхъ произведеній нашего композитора. Нѣкоторые изъ его романсовъ: „Jeg elsker dig“, „Ich liebe dich“, „Solvejgs Sang“ и „Prindsessin“ уже теперь пользуются значительною популярностью и служатъ выраженіемъ того характернаго для сѣверянъ настроенія, которое колеблется между веселостью и печалью. Но областью, въ которой лучше всего можно ознакомиться съ талантомъ Грига, является область сонатной музыки. Онъ написалъ 5 сонатъ: трѣ для ф.-п. и скрипки, одну для ф.-п. и виолончели и одну для ф.-п. solo. Соната для ф.-п. и скрипки, ор. 8, въ F-dur, — самая популярная, благодаря своей оригинальной мелодіи, своимъ пикантнымъ ритмамъ и блеску гармоническихъ богатствъ. Соната для ф.-п. solo, ор. 7, служитъ какъ бы подготовкой для позднѣйшихъ произведеній этого рода; Григъ находился еще здѣсь подъ вліяніемъ своихъ лейпцигскихъ занятій, онъ удерживаетъ классическую форму сонаты (въ 4 части), которую затѣмъ отбросилъ. Но уже и это произведеніе замѣча-

тельно по легкости и оригинальности мелодіи, равно какъ по удивительной изобрѣтательности и причудливости выражений и интереснымъ гармоническимъ оборотамъ.

Изъ большихъ произведеній норвежскаго композитора прежде всего слѣдуетъ упомянуть о концертѣ для ф.-п. въ A-moll (ор. 16) съ оркестромъ. Созданный, повидимому, подъ вліяніемъ Роб. Шумана, этотъ концертъ напоминаетъ нѣсколько въ первой своей части A-moll-ный концертъ нѣмецкаго композитора; впрочемъ, Григъ оставилъ юли въренъ самому себѣ, и этотъ концертъ носитъ на себѣ ясный слѣдъ чатокъ авторскаго творчества. Оригинальность ритма, неожиданныя гармоніи, своеобразныя модуляціи, смѣлые пассажи—представляютъ для исполнителя блестящій матеріалъ, и, разумѣется, все это требуетъ отъ пианиста совершенства техники и звучнаго, полного тона отъ инструмента. Впрочемъ, большая часть фортепьянныхъ пьесъ нашего композитора доступна для пианистовъ съ гораздо менѣ развитою техникой.

Въ области симфонической музыки Григъ до сихъ поръ написалъ одну увертюру для большого оркестра, ор. 11, и двѣ оркестровыя сюиты: 1) Holberg-Suite ор. 40 и 2) Peer Gynt-Suite ор. 46 (къ одноименной драмѣ Ибсена). Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о произведеніяхъ для хора: „Передъ монастырскими воротами“ (для сопрано — solo, женскаго хора и оркестра) ор. 20, „Landkennung“ (баритонъ, мужской хоръ и оркестръ) ор. 31, „Olav Trygvason“ (большой оркестръ и хоръ) ор. 59 (на одноименное стихотвореніе Бьернштерна-Бьерсона) и драматическую сцену „Похищенный“ (для баритона, струннаго оркестра и двухъ роговъ) ор. 32.

Если Гансъ фонъ-Бюловъ назвалъ Грига „Сѣвернымъ Шопеномъ“ и это выраженіе облетѣло весь музыкальный міръ, то такая характеристика норвежскаго композитора представляется крайне поверхностной и ничѣмъ не оправдываемой; потому что, въ сущности, очень мало сходнаго между нашимъ композиторомъ и поэтомъ — пианистомъ польско-французскаго происхожденія. Произведенія Грига дышатъ свѣжестью, бодростью настроенія, юношеской силой мысли, и все это значительно отличается отъ взятыхъ, но принадлежащихъ совершенно къ другой сферѣ, созданий Шопена, этого истиннаго поэта салонной музыки.

Эта-то свѣжесть и бодрость настроенія, эта-то юношеская сила мысли, къ которой присоединяются своеобразное творчество фантазіи и сила выраженія,—вотъ что именно привлекало насъ въ нашемъ композиторѣ и что дало намъ право назвать его **главою современной сѣверной школы и однимъ изъ величайшихъ музыкантовъ своего времени.**

Къ сожалѣнію, болѣзнь, заставившая Грига въ бытность его ученикомъ оставить лейпцигскую консерваторію, не покинула его до конца дней и скосила гордость Норвегіи на 64 году жизни. Надо удивляться бодрости духа великаго художника. Несмотря на то, что безжалостный плевроитъ, бывший въ то время еще сильнѣйшей медициной, лишилъ его одного легкаго, Григъ до послѣднихъ дней сумѣлъ сохранить жизнерадостность и бодрость. Это настроеніе проглядываетъ въ большей части его сочиненій, и, просматривая его послѣднія композиціи, нельзя предположить, что онѣ написаны пожилымъ художникомъ.

Даже весной 1907 года, осенью котораго онъ сошелъ въ могилу, Григъ, чувствуя себя крайне слабо и рѣшаясь покинуть свой любимый Трольхаугенъ, сырой климатъ котораго окончательно разрушалъ здоровье композитора, онъ составляетъ планъ поѣздки въ Берлинъ и Лондонъ, чтобы присутствовать на тамошнихъ концертахъ. Только въ августѣ онъ впервые пожаловался на приближающуюся, якобы, старость, но эта старость оказалась самой смертью, скошившей гениальнаго норвежскаго художника 4 сентября. Оплакиваемый всѣмъ музыкальнымъ міромъ, Эдвардъ Григъ умеръ и былъ похороненъ въ своемъ родномъ Бергенѣ; такимъ образомъ судьба позволила сбыться его желанію—быть похороненнымъ въ своемъ дорогомъ отечествѣ.